

Станислав
ТОКАРЕВ

ФУТБОЛ НА ПЛАНЕТЕ РУССО

Фантастическая повесть

1

Моя беда в том, что я белесый. Почти альбинос. Репортер должен растворяться в толпе. «Как он выглядит?» — «Так, ничего особенного, с пробором». Людей с проборами сколько угодно, а обо мне охранник рангом повыше всегда может сказать охраннику рангом пониже: «Того белобрысого (или седого) не пускать» — и поди прсбейся к прокурору, адвокату или судье.

У меня нет репортерских навыков, но это полбеды. На нашей планете нет навыков так же у судей, прокуроров и адвокатов, как нет их у историков, философов, экономистов, у парламентариев, сыскных агентов, официантов, метранпажей, фокусников и саксофонистов. Мы самоучки, родившиеся на планете Руссо, мы у наших отцов и дедов, у первопоселенцев, учились рубить лес и корчевать пни, пахать, сеять, строить жилища и бить дикого зверя.

Повесть печатается с сокращениями.

Но это, повторяю, полбеда — боюсь, что я не создан быть репортером. Репортер должен быть сообразителен и верток, а я неуклюж и здоров, пишу я длинно и трудно, а читателю требуются факты — не душевные извивы. Душа репортера никого не интересуется.

Так учит мой шеф Хорейшио Джонс.

Я должен вести эту хронику по-репортерски. Факты и только факты. Мои репортажи и репортаж о репортажах. Короткая фраза. Энергичный период. Упругий слог. Школа Хорейшио Джонса, шеф-редактора газеты «Старлетт».

Впрочем, я иногда думаю, что если хвощ Хорейшио так здорово знает, как вести хронику, то неплохо бы ему самому хлебать эту кашу. Но шеф предпочитает политические обзоры, в которых учит президента и парламент управлять планетой, администрацию регионов — руководить регионами, фермеров — сбывать пшеницу, хлопок и маис, банкиров — заправлять банками, учителей — учить, врачей — лечить и так далее. Мой коллега Джим Каминский пишет о футболе, все остальное делает Боб Симпсон, то есть я, поскольку, кроме Джонса, Каминского и Симпсона, в малышке «Старлетт» сотрудников не имеется.

Этими сведениями исчерпывается мое вступление. Перехожу к сути дела.

2

20 мая 52-го года Освоения на первой странице субботнего номера «Старлетт» был напечатан репортаж Джеймса Каминского о футбольном матче команд «Валендия» и «Скорунда». Он заканчивался так:

«4 : 4, и шесть минут до конца. Похоже, что желто-зеленые (цвета «Валендии»). — Примеч. Симпсона) упускают первенство. Мяч навешивается на штрафную «скаев» (игроков «Скорунды»). — Примеч. Симпсона), и тут арбитр Бронек дает свисток, властным жестом указывая на 11-метровую отметку. Пенальти.

Однако пробить его не удалось из-за внезапно вспыхнувшей драки между игроками «Валендии» и «Скорунды». В нее вмешались зрители, ринувшиеся на поле, матч был сорван. Руководство лиги дисквалифицировало Ульриха Земана («Валендия») и Поля Шлоссера («Скорунда»). Вопрос о переигровке рассматривается»:

23 мая 52-го года Освоения на первой странице вторичного номера «Старлетт» было напечатано правительственное коммюнике:

«В минувшую пятницу на стадионе клуба «Валендия» во время футбольного матча вспыхнули беспорядки, для ликвидации которых на поле были введены части Сил гражданской обороны четвертого и пятого регионов. Однако, вместо того чтобы соединенными усилиями восстановить спокойствие, стрелки упомянутых частей под руководством своих капитанов открыли друг против друга вооруженные действия, поддержанные толпами сторонников той и другой команд. Конфликт перекинулся в близлежащий район, и всю последующую ночь

вдоль восточного берега Блю-Ривер, по которому проходит граница четвертого и пятого регионов, продолжалась перестрелка, перемежаемая рукопашными схватками.

Причины конфликта расследуются, виновные будут наказаны».

4 июля 52-го года Освоения на четвертой странице субботнего номера «Старлетт» был напечатан мой репортаж:

«Новая Элоиза. Вчера в малом конференц-зале парламента начался судебный процесс «Республика против администрации четвертого и пятого регионов». Администрация обвиняется в том, что своими необдуманными распоряжениями она способствовала перерастанию драки на стадионе «Валендия» во время матча хозяев поля со «Скорундой» в вооруженный конфликт между частями Сил гражданской обороны упомянутых регионов.

Председателем суда является генеральный судья планеты миссис Дженни Адамсон (39 лет, замужем, имеет двоих детей, супруг — бригадир разведчиков)».

Далее из моего репортажа рукой шефа вычеркнуто: «Миссис Адамсон — полная добродушная блондинка с ямочками на круглых щеках и круглых локтях и уютной складкой под двойным подбородком».

«Обвинение поддерживает генеральный прокурор Карл Гирнус (42 года, женат, имеет троих детей, супруга — ветеринар)».

Далее вычеркнуто: «Стройный Гирнус — в прошлом популярный профессиональный охотник, он убил двух саблезубых львов и своими меткими выстрелами повернул вспять проравшийся к границе табун черных коней. Он всегда точно знает, чего добивается, идет к цели прямо и последовательно».

«В качестве адвоката выступает Мик Йошикава (44 года, холост)».

Далее вычеркнуто: «Маленький сухощавый человек с лицом, похожим на маску из полированного желтого дерева, на которую зачем-то нацеплены темные очки, не пользуется известностью на планете».

3

По поводу сокращенных строк я спорил с Джонсом почти час. Чтобы быть репортерски точным — 49 минут 32 секунды. Секретарь шеф-редактора Таня Ли, раскосый херувим, ведет хронометраж наших дискуссий, за последний год набежало около 228 часов.

Я сказал:

— Шеф, я опираюсь на факты. Гирнус известен, Йошикава неизвестен. Гирнус убил двух львов, Йошикава носит очки — это факты или не факты?

Джонс произнес монолог:

— О должностных лицах надо судить по их поступкам — давать оценки этим поступкам обязано общественное мнение. — Идеалы, сформулированные в «Клятве Колумбов» и представляющие собой краеугольный камень нашей цивилиза-

ции, суть свобода и демократия. Отсутствие объективности означает ущемление демократии, а любое, даже завуалированное, навязывание читателю собственного мнения лишает информацию объективности. Мы дышим воздухом и употребляем в пищу белки, жиры и углеводы. Добро побеждает зло — жизнь прекрасна. Я бы советовал вам, Роберт, задуматься над моими словами, сказанными от чистого сердца. Я сказал:

— Шеф, что вы знаете о Йошикаве? Кто-нибудь видел его с топором в сельве или за плугом?

Джонс набрал воздух в легкие, но в этот миг в комнату ворвался наш коллега Джим Каминский.

— Мозговой центр! — воскликнул он с порога, восторженно глядя на нас. — Генеральный штаб! Бобби, всегда слушайте моего друга Хорейшио, он кладезь премудрости, нам с вами чертовски повезло, что мы имеем честь служить под его началом! А вы, Хорейшио, любите, лелейте талант Бобби — такой тонкий, такой лиричный! Бобби, вы должны писать о футболе! Только тогда вы узнаете, что такое популярность! Хорейшио, запомните, когда я стану богат и вырвусь из вашей постылой лямки, я передам этому мальчику мое золотое перо.

Джим милейший человек, но его постоянные обещания вырваться из нашей лямки не более чем риторический оборот: он без ума от своего дела...

4

«Продолжается допрос подсудимого Толлера Таубе, верховного администратора четвертого региона (42 года, женат, супруга — владелица магазина моющих средств «Чистоплотная тетушка», имеет сына и дочь). Главой региона избран на пятое четырехлетие подряд».

Далее вычеркнуто: «Заметно, что этот квадратный человек наделен исполинской физической силой. Его короткопалые широкие лапы, спокойно лежащие на барьере, который ограждает скамью подсудимых, могут, если сожмутся, размозжить дерево в труху. Он играет в протачка, и лишь стремительная усмешка, редкая и внезапная на клювастом лице, позволяет догадаться, как он смел, надменен и ни в грош не ставит происходящее».

«Прокурор:

— Подсудимый, часто ли вы посещаете футбольные матчи?

— То, что я вам отвечу, здорово подмочит мою репутацию в глазах избирателей. Честно сказать, я вообще на футбол не хожу. Наследник смеется над таким папашей. Бродягу среди ночи разбуди, он вам отбарабанит, кто с кем как сыграл и у кого какие шансы. А я домосед: сад, огород — мой лучший отдых. Грейпфруты у меня величиной с вашу мудрую голову — извините, прокурор.

— «Валендия» — команда вашего региона, не так ли?

— Ну, это громко сказано. Конечно, на нашей территории

находится их база, и, если они выигрывают, наши люди готовы на руках их носить.

— Оказывает ли регион финансовую помощь «Валендии»?

— В нашем бюджете есть статья «На развитие детского и юношеского футбола». Эти деньги, как я понимаю, идут клубу.

— Ваше выражение «как я понимаю» следует расценивать в том смысле, что траты по данной статье происходят помимо вашего контроля?

— Ну уж не совсем чтобы помимо. При клубе есть «Совет граждан», я ему доверяю.

— А как обстоит дело с контролем по иным статьям бюджета? Например, на закупку сельскохозяйственной продукции?

— Это другое дело. Это я проверяю лично.

Прокурор просит вызвать свидетеля Бронек, арбитра матча между командами «Валендия» и «Скорунда».

Норберт Бронек (41 год, женат, имеет пятерых детей, род занятий — фермер, в прошлом — профессиональный футболист, зарегистрирован в списках лиги в качестве арбитра первой категории). Бледен, голова забинтована.

Прокурор:

— Свидетель, на выращивании какой культуры специализируется ваша ферма?

— Маиса.

— Каков в этом году урожай?

— Примерно шестьдесят центнеров во всей округе.

— Это высокий урожай?

— Очень высокий.

— Очевидно, закупочные цены упали?

— Да, конечно. До трех гильдов за центнер.

— Но вы всю последнюю партию продали по другой цене?

— Мне повезло, я продал по семь.

— Кому же?

— Администрации четвертого региона.

— Свидетель Бронек, на каком расстоянии от границ четвертого региона расположена ваша ферма?

— Около восьмисот километров.

— Миледи, я прошу разрешения задать вопрос обвиняемому Таубе. Обвиняемый, на территории вашего региона имеются посевы маиса?

— Да.

— Футбольный арбитр первой категории Бронек, — в голосе прокурора звучит металл, — расскажите суду о том, когда и при каких условиях вам была предложена сделка.

— Вечером накануне матча ко мне пришел один человек и напрямик все выложил. Я согласился. У меня два трактора в рассрочку куплены.

— Что именно сказал вам этот человек?

— Он сказал, чтобы я помог «Валендии», а как, это мое дело. И что взамен у меня будет куплена такая партия маиса, какую я захочу продать. Я запросил десять гильдов за центнер, но он настоял на семи. И что купчую мы подпишем только после матча.

— Вам известно имя этого человека?

— Чарли Чиз. Секретарь администрации четвертого.
— Каким образом вы, свидетель, помогли «Валендии»?
— При счете 4:4 за шесть минут до конца я назначил пенальти в ворота «Скорунды».

— Было ли это продиктовано игровой ситуацией?

— Нет, не было.

— У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Судья:

— Адвокат Йошикава, имеются ли вопросы у вас?

— Да, миледи, благодарю вас. Уважаемый свидетель, из дела нам известно, что после назначения вами одиннадцатиметрового штрафного удара в ворота команды «Скорунда» на поле возникла драка. В чем вы усматриваете ее причину?

— Ну... Вроде бы Земан ударил Шлоссера. Я-то спиной стоял, а когда обернулся, Шлоссер лежал на земле, а Земан бил его ногами. Тут толпа набежала, меня по голове сзади ударили, у меня сотрясение мозга было...

— Прошу принять мои соболезнования и позволить задать два вопроса.

Судья:

— Предупреждаю адвоката, что время сегодняшнего заседания близится к концу.

— Благодарю, миледи, я не задержу. Свидетель, если мне память не изменяет, Земан является игроком «Валендии», а Шлоссер — «Скорунды».

— Конечно.

— Тогда не представляется ли свидетелю несколько странным то, что в момент, когда к победе была близка именно «Валендия», а пострадавшей стороной могла считать себя «Скорунда», драку, сорвавшую матч, затеял игрок «Валендии»?

— Нервы, мало ли что... Да и помню я все смутно, у меня и сейчас голова болит, когда я волнуюсь. Миледи, у меня болит голова, отпустите меня, бога ради!

Судья:

— Допрос свидетеля откладывается. Заседание закрыто».

5

Сенсационное разоблачение, совершенное прокурором Гирнусом, вызвало настоящую бурю. Футбольная лига выступила с декларацией, в которой решительно осуждала арбитра Броннека, лишала его категории и права судейства пожизненно. В парламенте был сделан запрос президенту о том, как он квалифицирует действия верховного администратора Таубе. Президент заявил, что он воздерживается от комментариев до конца процесса — зал встретил его слова гневными криками и хлопаньем пюпитров.

«Старлетт» опубликовала декларацию лиги на первой странице, подверстав к ней четыре свирепых абзаца Джеймса Каминского: «Грязные руки на чистом поле... Неслыханный в истории позор... Благородная игра — гордость и радость планеты...» На второй странице мы напечатали письма читате-

лей: «Уважаемый редактор, возмущению нет предела» — Маллиган, агротехник; «Своими бы руками!» — Мушотт, клерк почтового ведомства; «Ничто не в силах поколебать веры и любви!» — Грумбах, врач-стоматолог; «Как жить, где святыни?» — Луиза Страут, библиотекарь на пенсии. В ответ на письма Хорейшио Джонс разразился статьей о принципах «Клятвы Колумбов», краеугольного камня нашей цивилизации.

«Свидетель Чарльз Чиз, секретарь верховной администрации четвертого региона (46 лет, женат, супруга — владелица нескольких мастерских по ремонту электромобилей, имеет двух дочерей).

Заякаясь и шепелявя (вычеркнуто), Чиз признал, что во всех своих действиях неукоснительно выполнял указания верховного администратора Таубе. «Я Бронеку так и сказал: «Будет 4:4, а дальше валяй действуй».

Адвокат:

— Прошу прощения, свидетель Чиз. Вы хотите подчеркнуть, что арбитр Бронек должен был предпринять решительные действия именно при счете 4:4?

— Да нет, это я оговорился, это я теперь знаю, что было 4:4, знать-то я тогда ведь не мог, просто я велел ему... вернее сказать, мне ему велели велеть, чтобы он, то есть Бронек, как говорится, все обеспечил...

Прокурор просит пригласить на свидетельскую трибуну обвиняемого Толлера Таубе.

— Что ж, — сказал Таубе, — сделанного не переделаешь, проигрывать надо красиво. Признаюсь, виноват. Я лично приказал этому недоноску... извините, миледи... этому, черт побери, подзаборнику, которого я сделал государственным деятелем, купить арбитра. Знал, на что шел.

Прокурор:

— Какую цель вы преследовали?

— Какую, какую... Да поставьте себя на мое место, прокурор. Хотя вам и на вашем неплохо. На этих руках — вот на этих — у меня регион. Промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, образование... Черт, дьявол, господь бог и все святые угодники... Извините, миледи. И тут такая вот пустяковина — одна победа в паршивом этом футболе...

Возмущение на скамьях для публики. Судья звонит в колокольчик и предупреждает обвиняемого, чтобы он выбирал выражения, а зрителей — что в случае, если они будут мешать ходу заседания, она распорядится очистить зал.

— Все, миледи, все. Буду как ангел. Так вот, я подумал: одна победа «Валендии», и «Валендия» — чемпион. Народ ликует. Народ засучивает рукава. Трудится с утроенной силой. Четвертый регион — мой, кровный — лучший по всем статьям на планете. Вы скажете, что я честолюбец, — да. Но я хочу блага моему народу. Разве высокая за это цена — семь гильдов за паршивый мешок маиса?

Женский голос из публики:

— Жульничество — ваша цена!

Судья звонит в колокольчик.

— Ты права, сестренка. Теперь я и сам это понимаю. Пусть меня судит народ.

Адвокат Йошикава просит пригласить свидетеля Бронек для продолжения неоконченного в прошлый раз допроса. Судебный пристав оглашает сообщение, согласно которому вчера вечером Норберт Бронек бесследно исчез, и его поиски, производимые Силами гражданской обороны, пока безуспешны.

Адвокат просит пригласить свидетеля Клиффорда Монтгомери.

«Клиффорд Хьюз Монтгомери (61 год, вдов, пенсионер)».

Далее вычеркнуто: «Старикашка, похожий на арахис, бывший плотник, бывший член парламента, бывший обладатель ряда должностей — одна другой ниже, бывший — напоследок — сортировщик мусора».

«Адвокат:

— Уважаемый свидетель, в двадцать восьмом году Освоения вы принимали участие в прениях по поводу учреждения на планете профессиональной футбольной лиги?

— Что верно, то верно. Здорово мы тогда спорили.

— Вы голосовали за или против?

— Именно, что против, а зря — это я сейчас понял, что зря. Я на койку ложусь и думаю — проснусь завтра или не проснусь. О чем мне еще думать — я простой человек. А так я думаю — победят или нет завтра мои ребятишки... Опять же «тотошка» — может, я завтра тысчонку выиграю, должно же быть счастье у простого человека...

— Не затруднит ли свидетеля поделиться с нами мотивами, которыми он руководствовался, голосуя против?

— Давно это было. Точно уж не упомяну. Говорили, что не на пользу пойдет нам футбол. Мол, даже в «Клятве» что-то такое написано. Сам я этого не читал — говорили.

— Кто говорил?

— Один депутат. Он был постарше всех нас, мы его уважали.

— Можете ли вы назвать его фамилию?

Прокурор:

— Миледи, я заявляю протест. Пользуясь тем, что в первые годы Освоения протоколы заседаний парламента велись без должной тщательности и многие не сохранились, адвокат пытается натолкнуть свидетеля на путь распространения ложных слухов в отношении краеугольного камня нашей цивилизации. Кроме того, я вообще не усматриваю во всем этом прямого отношения к данному делу.

Судья:

— Протест прокурора принят. Свидетель свободен».

6

Старикашка ковылял с неожиданной прытью. Я догнал его рысью и выложил в лоб:

— Так как же фамилия?

— А ты, — он спросил, — кто? — Он смотрел на меня из-под разведчицкой шляпки пыльного цвета — защитного, отступая

к серой стене парламента, словно в желании раствориться на ее фоне всем своим старым пыльным существом.

— Я из газеты. Хочешь, я, дед, про тебя напишу?

— Нет, этого я не хочу. Я мало чего хочу, белобрысый. А твоя какая команда?

— «Скорунда», — сказал я наугад и попал.

— «Петуха» надо в защиту переводить, а? — проскрипел старикашка испытующе.

— Бежать не бежит, а голова варит, верно? — мне повезло, я снова попал.

— Карамаякис его фамилия. Я много чего помню, но я не трепло. Слушай, ведь ты из газеты, а когда матч переигрывать будут?

— Скоро, дед, — пообещал я. — В середине будущей недели. А что все-таки говорил Карамаякис про «Клятву»?

— Ку-ку, парень. — Он ловко вывернулся из-под моего бока. — Жара сегодня, напекло меня, а ты вон какой здоровый, от тебя еще жарче.

7

Что-то у меня в мозгах стронулось. Я спросил себя, что я знаю о «Клятве».

Обстоятельства ее создания (вкратце, по школьному учебнику истории): 53 года назад — за год до начала Эры Освоения — 22 молодых жителя Земли, силой захватив межпланетную ракету, высадились на самой далекой и малоосвоенной планете из сферы земного влияния («Стихийный протест против машинной цивилизации... романтическая тяга в неведомое... стремление сформировать новое общество в тяжелых условиях борьбы с дикой природой...»). Затем ими был переправлен на Землю документ, получивший название «Клятва Колумбов» («Мы, собравшиеся здесь мужчины и женщины, белые и черные, желтокожие и краснокожие... Мы утверждаем, что человек в нашем обществе служит лишь придатком тех механизмов, которые избрели его предки для собственного блага, но это благо обратилось во зло... Только в труде и подвигах мы можем сохранить себя как биологический вид... Если ты голоден, пойди и убей зверя, если ты голоден, вырасти хлеб. Если тебе холодно, построй дом. Если тебе негде его построить, выкорчуй лес и осуши болото... Человек смотрит на природу как в зеркало, только она в состоянии дать ответ на вопрос, чего он стоит...») Сто ракет, десять тысяч первопоселенцев прибыли на планету, названную именем Жан-Жака Руссо («Французский философ-просветитель... трагическое противоречие прогресса — по мере развития углубляется неравенство... Естественное состояние помогает уберечь от тлетворного влияния... Трудовое воспитание...»). Дальнейший контакт планеты с Землей был сведен до минимума. Двадцать два «колумба» погибли одновременно от неизвестной болезни. Мемориальный музей их памяти находится в центре Новой Элоизы — это П-образное здание, окаймляющее лужайку, на которой высят-

ся двадцать два гигантских пальмовых клена над каменной плитой с их именами.

Что-то у меня в мозгах стронулось, и я спросил себя, читал ли я когда-нибудь «Клятву» целиком. Выходило, что не читал, даже не видел полностью опубликованной. Только в выдержках — одних и тех же: из учебника, из государственных документов, газетных статей и юбилейных речей. Мы все знаем, что она составляет краеугольный камень руссоистской цивилизации, но как звучит она — от начала до конца?

8

— Полный экземпляр? — библиотекарь музея вскинул на меня фасетчатые стрекозиные очки. — Кто вы по профессии? И есть ли у вас разрешение?

— А кто может его мне дать?

Очки затуманились:

— Откровенно говоря, я и сам не знаю... Просто этот документ у нас никогда не спрашивают... Он существует в единственном рукописном экземпляре, и я должен быть уверен...

— Вы можете быть совершенно уверены, — твердо сказал я. — Мне и читать-то необязательно. Что положено, я в школе отзубрил. Просто я делаю репортаж о музее. И вот несколько слов: «Глядя на священные страницы, благоговейный трепет...» Здорово закручено, верно? А вообще-то меня интересуют люди. Хранители истории. Скромные труженики. Как, простите, ваша фамилия?

Перед хранителем истории стоял напористый белобрысый недоучка, но скромный труженик хотел славы.

Он зря боялся за Ее сохранность. Она была в тяжелой кожаной обложке с коваными уголками, каждая Ее страница заключена в прозрачный пластик. Я скользил взглядом по строкам, выведенным твердым прямым почерком, крепкой, наверное, и тяжелой рукой. Иные были мне знакомы, иные — нет. «...В суровой борьбе, которую нам предстоит вести на планете Руссо, чтобы сделать ее пригодной к жизни для нас и наших потомков, мы обязаны быть равны. Не должно быть героев и толпы, аристократии и плебса, владык и ра... — Я перелистнул страницу, — предостерегаем вас от перенесения на нашу планету язв земной цивилизации. Строгое ограничение в пище и одежде...»

Стоп, стоп, стоп. Здесь был какой-то разрыв. Здесь и, кажется, еще раньше тоже. Вот оно:

«...Мы утверждаем, что единственная функция, которая осталась человечеству, это развлечения...» — страница кончается, а следующая начинается фразой: «...естественными препятствиями, которые предоставляет ему мать-природа».

В конце последней страницы — ровнс и наискось, тщательные и небрежные, с росчерками и без росчерков — шли подписи: Расмундсен... Паули... Каяк... Три каллиграфических иероглифа... Меникелли. М. Баттон... Ю. Баттон. На третьей строке слева тем же твердым прямым почерком — ни хвостиков, ни завитушек, — каким был переписан весь текст «Клятвы», значилось: «Иоаннидис».

Я захлопнул папку. Библиотекарь ждал и улыбался.

Я сказал:

— Красивая такая папка. Ручная работа?

Хранитель расцвел:

— Переплетное дело — моя слабость. Взгляните на наши полки, взгляните — все сам. Врачи не советуют, из-за близорукости, вот горе.

— Да, — вздохнул я, — вы уж берегите, пожалуйста, зрение. Здесь у вас драгоценные реликвии, а я пришел и... взял, например, на память.

— Вы бы не говорили так, если бы знали, какая у нас система сигнализации.

— Абсолютная надежность?

— Попробуйте сами глухой ночью.

— Это, естественно, подлинный текст?

— Аутентичный, — гордо проговорил он.

— Неповрежденный?

— Как вас понять?

— Мне показалось... Я не специалист... Кажется, одна страница не совпадает с другой. Начало и конец — вы понимаете? Что-то там пропущено. Я невнимательно читал, но...

Он должен был бы схватиться за папку, впиться в рукопись своими окулярами. Если бы не знал.

Он взял Ее со стола и сунул под мышку.

— Вам показалось. Это полный и единственно подлинный текст.

— А кто передал его в музей?

— Это было до моего прихода сюда, я ничем не могу быть вам полезен.

Он боялся меня. Что-то скрывал и боялся. Вот уже вторая подряд встреча с человеком, который знает и боится, — первым был старикашка Монтомгери.

Я вырос в обществе без тайн. Тайны бродили лишь за границей освоенной территории — свирепые, шестиногие черные кони и красные пумы в душных глубинах сельвы, на берегах неизвестных рек. Они вызывали страх, если ты не вооружен, а других страхов не было — бандитов, пиратов, флибустьеров, гангстеров, что ли, мафиози, или как их там — это все на Земле осталось, только деды об этом помнили...

Гласность служила одной из основ нашего общества, оплотом гласности была газета «Старлетт», я в ней служил репортером, и от меня что-то скрывали.

Подведем итог. Если верить Монтомгери, двадцать четыре года назад во время прений в парламенте по вопросу об учреждении профессиональной футбольной лиги некий депутат, выступая против этого акта, ссылаясь на то, что сказано о футболе в «Клятве».

Я в ней ничего похожего не обнаружил.

Но в экземпляре из музея каких-то страниц явно недостает.

Он же, тот депутат, их, очевидно, читал.

Фамилия депутата Карамаякис. Фамилия покойного «колумба», переписавшего «Клятву», Иоаннидис. Тот и другой по происхождению греки.

Что еще говорил старикашка о депутате? «Он был постарше всех нас, мы его уважали...»

Межзвездный скачок от Земли до Руссо по земному и нашему времени занимает около десяти лет, в ракете они сводятся к нескольким неделям, но если ты был в числе первых...

Если ты был в числе двадцати двух первых, то остальных ждал около десяти лет. Этим остальным — десяти тысячам — в подавляющем большинстве было по восемнадцать-двадцать. Значит, «колумбы», останься они в живых, оказались бы старшими среди основного населения Руссо.

Но ведь они погибли — одновременно, от неизвестной болезни. Когда это случилось — до основной волны переселения или после, что была за болезнь, пострадал ли от нее кто-либо еще, я не знаю. Нигде об этом не слышал и не читал.

А вдруг болезнь вовсе не было?

Что же было?

Стоп, стоп. Как там в «Клятве»? «В суровой борьбе... мы обязаны быть равны. Не должно быть героев и толпы, аристократии и плебса...»

Может быть, здесь разгадка? Может быть, они просто не захотели стать теми, кем мог их сделать ход событий, — героями, неким подобием аристократии? Сочинили легенду о болезни, сменили имена и словно растворились среди десяти тысяч поселенцев — ушли, например, разведчиками в передовые отряды или охотниками — на рубежи сельвы.

И значит, кто-то из них в принципе через какое-то время мог стать депутатом парламента.

Иоаннидис — Карамаякис. Возможно, фамилия матери или друга, оставшегося на Земле. Избрав новое имя, он оставил себе происхождение. Тогда получается, что он знал о написанном в «Клятве» не потому, что просто читал ее. Он сочинял ее вместе с другими «колумбами» и сам переписывал.

Жив ли он? А если не он, то кто-то другой из двадцати двух. Пятьдесят два — возраст Освоения. Плюс, допустим, двадцать — его возраст в год Освоения. Плюс десять лет ожидания. Восемьдесят два года... Жизнь, полная трудов и опасностей...

И все-таки кого-то из них я должен найти. Того, кто знает.

9

«На очередном заседании суда свидетельскую трибуну занял Джереми Багги-младший, президент профессиональной футбольной лиги планеты (28 лет, женат, супруга — Элеонора Багги, популярный косметолог и психогигиенист, трое детей. Род занятий — председатель правления банка Руссо)».

Далее вычеркнуто: «Джереми Багги-младший, единственный сын цельнометаллического Джереми Багги-старшего, удалившегося на покой основателя банка, женат на племяннице президента республики. Воскресное цветное приложение «Эпо» не раз публиковало фоторепортажи, посвященные частной жизни этого образцового семейства: патриарх в алюминиевых сединах, мать-вседержительница в нежно-голубых сединах, мус-

«улистый наследник, любящий алые костюмы и золотистые рубашки, и грациозная косметологиня...»

Пламенный и племенной Джереми Багги на свидетельской трибуне держится аффектированно-мужественно, напрягает шею и натужно откашливается, прежде чем изречь нечто значительное нутряным, желудочным басом.

— Уважаемые господа, я сам изъявил желание предстать перед вами. Считаю это своим долгом. Отец учил меня ходить прямыми дорогами, и я хожу прямо. Кхм. Прискорбные события, о которых идет здесь речь, могут наложить нежелательный отпечаток на деятельность нашей лиги в целом. Потому я здесь и готов ответить на любые вопросы.

Прокурор:

— Мистер Багги, как вы расцениваете случившееся во время матча «Валендии» и «Скорунды»?

— Как досадное исключение.

— Располагает ли возглавляемая вами лига гарантиями беспристрастности арбитров?

— До сих пор мы считали их стопроцентными. Сегодня наш долг перед народом — усилить меры контроля. Кхм. Создана комиссия, ее поручено возглавить мне. Футбол, по нашему убеждению, не только развлечение. Меньше всего развлечение. Футбол служит истине. Футбол — это нравственность. Деятель футбола — это рыцарь. Это паладин. Отец учил меня, что победа всегда и во всем — это чаша Грааля.

Судья:

— Адвокат, имеете ли вы вопросы к свидетелю?

Адвокат:

— Если мне будет позволено, миледи, я хотел бы попросить достопочтенного свидетеля разъяснить нам, на какие материальные средства существуют клубы, входящие в лигу.

— Я уже подчеркивал, что деятельность лиги имеет в основе духовные мотивы. Необходимые материальные средства дают сборы от матчей, благотворительные пожертвования любителей прекрасного вида спорта — как организаций, так и частных лиц, суммы, выделяемые регионами, — исключительно на воспитание резервов, а также продажа сувениров.

— Означают ли ваши слова, что фирма «Кикс», производящая сувениры, самым тесным образом связана с клубами?

— Фирма «Кикс» пропагандирует идеи футбола. Ее деятельность проникнута высоким идеализмом. Идеалы святее коммерции.

— Не буду ли я назойлив, если поинтересуюсь у свидетеля, что он имел в виду, говоря о воспитании резервов?

— Кхм. Это же ясно! Детский и юношеский футбол — наш фундамент. Молодежь — краеугольный камень будущего, как говорит мой отец.

— Можно ли предположить, что руководство клубов в целях правильного воспитания будущих юных героев поддерживает контакт с их родителями?

— Можно ли? Кхм.. Я поражен! Нужно! «Футболист — сын народа» — наш девиз. Семья — наша опора.

— Хэлло, я Роберт Симпсон из «Старлетт», готовлю репортаж о том, как наше здравоохранение заботится о престарелых. Ну да, о людях преклонных лет, ветеранах Освоения. Кто самый старший из пациентов вашей больницы? Момент, записываю.

Пятый такой визит — в госпиталь имени Багги-старшего — принес славный улов. Мясистый двухметровый младенец, видно только что выпорхнувший из «Высшей костоправки» и мечтающий титуловаться «наш обозреватель по вопросам медицины», смачно потер красные намытые ладони:

— С вас пиво, с нас сюжетики. Был тут в прошлом месяце один дедушка. Грыз орех и зуб сломал. Зубы все целы, но стертые просто до корней. «Сколько ж вам, — говорю, — папа, лет?» — «Пятьдесят пять». Кой черт — ему все девяносто. Туда-сюда, полное обследование. Ригидность мышц ярко выраженная, подагрические узлы такие, что хоть в учебник. Пришел проф, туда-сюда: «Девяносто». А папа — фигушки, папа разведчик и хочет полноценно трудиться, потому пиши пятьдесят пять. Сюжет?

— Сюжет, — сказал я. — С меня пиво. Имечко не запомнили?

— А нам память ни к чему, у нас картотека. Джейн, милочка, принеси карточку того черного папы, его еще звали так забавно...

— Джон-Джейкоб Смит, — сказала красивая Джейн. — Шестнадцатый отряд разведчиков, южная граница первого региона, поселок Веселая Собака.

— Вы сказали «черный папа» — он негр, что ли?

— Великолепный негритянище, я бы не удивился, если бы ему добрая сотня отбарабанила.

«Мы, собравшиеся здесь, — мужчины и женщины, белые и черные»... Черные. Джон-Джейкоб Смит... Жан-Жак!

Ох, как это все походило на правду!

Собаки в поселке Веселая Собака были грустные. Лежали под сваями домиков в тени, распластав хвосты по серой пыли.

Отец рассказывал, что, когда на Руссо завезли собак, они в первое время рычали, лаяли и выли без передышки. Их земной ум не мог примириться с местной фауной — шестиногой, и когда они стаей загоняли маленького безобидного длинноухого оленка и тот, припав на четыре копытца — средние и задние, в ужасе отмахивался от них передними, то даже бравые псы-вожаки отшатывались и пускались наутек.

Наши собаки жмутся к жилью, для охоты они непригодны. Знаменитый зверолов и зоолог Спаркс носит:я с идеей приручить черного коня — не для вьючной работы, а именно чтобы охотиться с человеком (я у него на сей счет брал интервью), но это, по-моему, невозможно. В, всяком, случае,

хрип и зубовой скрежет табуна, в котором низкорослая самочка достигает трех метров в холке — самая кровь леденящая музыка нашей планеты.

Поселок был по-дневному пуст. Издалека — оттуда, где синел лес, — слышался грохот механизмов. Я свистнул, и тотчас послышался ответный свист. С высокого порога ближнего домика прыгнул мальчик в разведчицкой шляпе набекрень.

— Вы кто?

— А ты кто?

— Я на вахте.

Это был подлинный юный переселенец, независимый, уверенный и настороженный, в комбинезоне на голом коричневом теле. Точь-в-точь я десять лет назад в шестом, отцовском отряде.

— Мне нужен Джон-Джейкоб Смит. Старый негр. Знаешь такого?

— Знаю. Это повар. Только вы ему кто? У него никого нет родных.

— Я из газеты, — проговорил я заветную фразу, которая все и всем всегда объясняла.

— О! Послушайте, ведь у «Скорунды» с «Валендией» будет переигровка, верно? У нас сломался приемник.

— Конечно, будет, — сказал я. — Послушай, а какой он — Джон-Джейкоб Смит? Добрый, сердитый?.. Он старик, он много, наверное, историй знает...

— Может, и знает, но вам из него их не выкачать. Он молчит и рисует на песке цифры.

— Что рисует?

— Всякие цифры и значки. Он не злой, но и не добрый. Не знаю какой. Просто старик, который молчит. Его кухня во-он там — вправо от опушки, возле ручья.

Опушка сельвы была искорежена исполинскими вывороченными пнями, ямами и следами гусениц. Сине-зеленая чаща трещала и рушилась в полусотне метров отсюда. Хижина пригнулась к сизому стволу прекрасного пальмового клена, который разведчики пощадили, обрубив только нижние ветки, чтобы какое-нибудь шестилапое не обрушилось ненароком на крышу. В огромном медном котле, висящем над костром, аппетитно скворчало. Я присел на полированный обрубок — давно он, видно, служил табуретом. Возле него на песке, перемешанном с пеплом, было и вправду что-то начерчено.

Я взгляделся.

Это был интеграл вероятности Гаусса, именно он, — я же в техническом полгоду отрубил, прежде чем сбежать в репортеры.

Старый повар на досуге развлекался высшей математикой.

...Смит показался снизу, от ручья. Он нес ведро с водой, и только когда приблизился, я понял, что передо мной великан — согнутый, скрюченный, но великан. Я смотрел прямо на него, а он меня словно не видел. Темно-бронзовая кожа его лица обвисла, глаза были скрыты под складками, только макушка блестела сквозь седой пух. Я сидел и смотрел, пока он приподнял крышку котла, плеснул туда воду, понюхал вздыбившийся пар, полез в карман, что-то достал и бросил в свое

варево, аккуратно прикрыл котел и лишь потом покосился на незнакомца.

— Здесь интересно получится, если ввести суммы Дарбу, — сказал я и ткнул прутиком в формулу. — Не пробовали?

Он проворчал что-то неразборчивое, влез в хижину и вылез с железной палкой в руке. Я вспотел. Но это не мне предназначалось — у него, оказывается, висел гонг возле хижины, и он, видно, собрался звонить на обед.

— Пойдите, — сказал я. — Не сбежит ведь никуда каша. Все равно я знаю, кто вы, и теперь вам не отмолчаться.

— Все он знает, — пробасил старик нараспев. — Пришел сюда такой, все знает. А за ручьем лошадки топочут. О-о, надо ему уходить.

— Изящная позиция, — сказал я. — Двадцать два бога создали мир и умыли руки. Разбирайтесь без нас. В мире все, может, сикось-накось, а мы кашу варим.

— Что вам от меня надо? — Это был другой голос, по другому модулированный. Таким голосом можно и об интегральном исчислении толковать.

— Прежде всего меня интересует, есть ли у вас экземпляр «Клятвы».

— Предположим. Но вы, полагаю, должны знать, что там написано.

— Смит, это ваша планета, и на ней неладно. Из «Клятвы», которая хранится в музее, вырезано несколько страниц. Кому-то невыгодно, чтобы полный текст был известен людям. Для вас это новость?

Он снова скрылся в хижине и вернулся с бумажным свертком.

— Уходите в поселок. Там сейчас все дома пустые — садитесь и читайте. Сюда придут люди и будут есть. А я буду думать. Потом приходите.

Когда я вернулся, он мыл котел — скреб изнутри песком. Он спросил:

— Что они из нее вырезали?

— Кто «они»?

— Жаль, что вы об этом спрашиваете у того, кто не может знать.

Я прочел ему то, что переписал в свой блокнот.

Он кивал головой точно в такт стихам, с умиленным и светлым лицом. Когда я закончил, он не проронил ни слова.

— Сколько вас осталось?

— Не знаю.

— Вы никого из них не встречали за полвека?

— Полвека... — Он выговорил это слово, будто вдумываясь в его непостижимость. — Полвека... Лет двадцать назад здесь... Не здесь, конечно, тогда мы работали севернее, у истоков Блэк-Ривер, убили охотника. Убил не зверь, а человек. Когда его хоронили, я узнал. Это был младший Баттон — Юджин... Как вы сказали тогда: «Двадцать два бога умыли руки»?.. Полвека — это срок, чтобы подумать. Тем более если нет книг.

— Послушайте, Смит, но ведь книги — это доступно. Не в тюрьме же были вы все эти годы.

— Меня зовут Теренс Тейлор, а тюрьму я выстроил сам. Чтобы быть как все, кто вокруг меня. Я учил себя подчинять-

ся людям и обстоятельствам, чтобы не заболеть жаждой ими управлять. Похоже, что это ложная посылка. Хотя я не должен так говорить. Один я не могу признать неправоту всех, моя информация слишком бедна, да и ваша, я вижу, немногим богаче. Но у вас еще есть время. Наша история только началась, полвека — это для нас страшно, а для нее, друг, смешно.

— Чем я могу быть вам полезен?

— Есть прекрасная древняя книга. «Дон Кихот Ламанчский». Достаньте мне ее.

12

«Продолжается допрос свидетеля Ульриха Земана (27 лет, холост, род занятий — профессиональный футболист, полузащитник команды «Валендия»).

Адвокат:

— Свидетель, вы утверждаете, что ударили игрока «Скорунды» потому, что он вас оскорбил.

— Так это... Конечно. Шестиногим желтопузиком он меня обидел. Обидно. И нервы. Вот как получилось.

— Свидетель, вы извините меня за вопрос: нормально ли функционируют ваши слуховые органы? Иными словами, не почудилось ли вам?

— Это что, глухой я, что ли? Ну нет, вот уж нет!

— Между мной и вами сейчас пятнадцать метров тридцать два сантиметра. Между мною и судейским столом — тринадцать метров девяносто сантиметров. Теперь я отставляю микрофон и произношу фразу... Прошу извинить, миледи, вы меня слышали?

Судья:

— Нет, адвокат.

— Свидетель, вы меня слышали?

— Так вы же спиной ко мне повернулись!

— Не будет ли невежливым с моей стороны напомнить вам о том, что лицо, назвавшее вас желтопузой шестиножкой... простите... да, шестиногим желтопузиком, находилось от вас на расстоянии приблизительно двадцати метров и тоже спиной? Уважаемый суд, я располагаю видеомagnитoфонной записью и готов ее предъявить.

Тишина в зале. Земан потирает шею.

— Так. Значит, так. Они меня дисквалифицировали. Я им денежки спасал, а они у меня из кармана вынули. Ладно. Тут вот какое дело. Нам велели проиграть. 4:5 должен был быть счет. А тут — 4:4, всего ничего остается, дают пенальти в их ворота... Была не была. Я ему съездил, и пошла драка, и матч сорвался. Вот как дело было.

В зале шум, судья звонит в колокольчик.

— Кто же дал вам указание проиграть со счетом 4:5?

— Как кто? Тренер, конечно. Франческо д'Анжело, наш старший тренер.

— Миледи, прошу пригласить на следующее заседание в качестве свидетеля тренера д'Анжело. Извините, свидетель, у меня еще вопрос. Не могли бы вы повторить свою фамилию, место рождения и имена родителей?

Прокурор:

— Миледи, я протестую. Свидетель говорил об этом в начале допроса. Адвокат намеренно затягивает ход процесса.

Судья:

— Адвокат, время сегодняшнего заседания кончается. Вы уверены, что ответ в состоянии открыть нам нечто новое?

— Совершенно уверен.

— Свидетель, отвечайте.

— Ульрих Земан, родился в поселке Три Камня, на ферме Теофила и Марии Земанов.

— Ваши уважаемые родители здоровы?

— А чего ж нет? Я у них в отпуске весной был.

— Свидетель, я должен сообщить вам прискорбную новость. Ваша матушка скончалась три года назад. Мне очень жаль, но вторая новость окажется еще печальнее. Свидетель Ульрих Земан, вы не существуете. Никаких следов вашего рождения нет в метрических книгах планеты. Миледи, вот документы, которые я прошу приобщить к делу.

Оглушительный шум. Судья звонит в колокольчик и предупреждает, что удалит публику из зала.

Адвокат:

— Свидетель, я прошу ответить на вопрос: кто вы?

Судья:

— Ввиду истечения времени допрос свидетеля откладывается. Следующее заседание в понедельник в десять утра.

Адвокат:

— Миледи, я прошу прощения, но мне необходимо сделать заявление.

— Делайте.

— Я прошу суд принять меры к обеспечению безопасности свидетеля. Исчезновение арбитра Бронекса уже имело место, и мы...

— Суд принимает к сведению ваше заявление. Заседание закрыто».

Камешек я приготовил заранее. Завернул его в записку. Я был доволен собой, с галереи он попал точно на адвокатский стол.

Я написал ему: «Адвокат, у меня кое-что для вас есть. Жду в ресторане «Тихая сельва» в 21.00. Симпсон («Старлетт»)».

13

«Тихую сельву» открыли недавно, и она была переполнена. Мне нашелся столик лишь потому, что я писал об открытии и хозяин меня знал. Ресторан был выдержан в охотничье-разведчиком стиле: прочная грубая мебель, стены из бревен в пятнах коры и плюща, каменный очаг в центре зала — на тлеющих углях там жарилось мясо. С одной стены смотрела, скаля пасть, башка красной пумы, с другой — тарасилась на нее исподлобья, выгнув шею и вывернув ноздри, как перед схваткой, голова черного коня. Патлатая певичка в кожаных штанах томно и низко тянула с эстрады:

Тихая сельва... Синие тени...
Ласковый вечер лег у корней....

А четыре кожаных молодца — рояль, банджо, сакс, ударные — рывкали хором:

Если разлюбишь! Если изменишь!
Пулю получишь между бровей!

Чиновники, торговцы, процветающие фермеры и богатые зубодеры в такт били в столешницы коваными днищами пивных кружек, чувствуя себя простыми лесными парнями, крепко любящими своих простых подруг. Кое-где уже обнимались, кое-где пробовали трясти друг друга за манишки. Ребята из «эрбэка» — Роты Борьбы с Контрабандой Алкоголем — явно запаздывали на боевой пост.

Войдя, адвокат растерянно остановился возле очага, повертел головой и зашпешил, обрадованный, на мой оклик.

— Прошу прощения, я не подозревал о наличии у нас столь колоритных предприятий общественного питания.

— Два пива, — сказал я официанту.

— Извините, — адвокат глянул жалобно, — с вашего позволения я бы предпочел чай.

Официант смылся, гневно фыркая на ходу.

— Я вас слушаю внимательно и очень польщен знакомством. — Он снял темные очки, узкие глаза были усталыми и слегка воспаленными.

— Не знаю, зачем вы допрашивали того старика, бывшего депутата. Но мне тоже захотелось обнаружить в «Клятве» упоминание о футболе. Вот оно — другого нет.

Я выложил на стол собственноручно перепечатанный листок.

«Мы утверждаем, что единственная функция, которая осталась людям в нашем обществе, — развлечения. Прикованный к своему жилищу, к телеэкрану, человек обречен на иллюзорное существование, ибо он живет в мире лишь тех эмоций, которые дарят ему его рабы и его шуты, профессиональные развлекатели: футболисты, бейсболисты, регбисты, автогонщики и иные гладиаторы нашего времени. Лишенный физических движений, которые производят за него другие, человек неизбежно утрачивает черты, изначально присущие его биологическому виду».

Йошикава читал, низко склонясь над листком. Прочел, разгладил бумажку концами пальцев и улыбнулся ей со странной нежностью:

— Благодарю, я представляю себе, как трудно было вам это найти. Найдя, вы узнали, я думаю, многое, но этот текст и мне хорошо знаком.

— А этот?

Я протянул ему цитату со второй из вырванных страниц:

«В суровой борьбе, которую нам предстоит вести на планете Руссо, чтобы сделать ее пригодной к жизни для нас и наших потомков, мы обязаны быть равны. Не должно быть героев и голпы, аристократии и плебса, владык и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. Все богатства планеты принадлежат всем гражданам планеты».

— Прекрасные слова, не правда ли? — грустно сказал Йошикава. — Но какой детский утопизм — поступить так, как поступили они...

— Вы можете объяснить, почему в экземпляре, который хранится в музее, этих строчек нет? Нет, а вы о них знаете — откуда? А если знаете, зачем понадобился вам тот старый пень? И вообще, что за дела у нас тут творятся?

— Когда много вопросов сразу, не так легко ответить. Вы, должно быть, заметили, что прокурор Гирнус имел здравый резон прервать мой допрос Монтгомери, как не имевший к процессу видимого отношения. Но сказанное побудило вас к поискам, вы искали и нашли. Одного этого уже немало.

— Именно я?

— Извините, я не рассчитывал лично на вас, поскольку лишь сейчас удостоился приятного знакомства. Но я знал, что кто-то будет искать, и рад, что это вы. Впрочем, уверены ли вы, что вы один?..

Тем временем шум в «Тихой сельве», нараставший по плавной кривой, внезапно дал резкий скачок. Девушка в кожаных штанах едва перекричала его в свой микрофон:

— Друзья и гости! У нас большая радость! Мы видим в своих стенах юного героя, любимца зрителей, центрфорварда славной команды «Бранцоза» Анри Пелисье и его боевых товарищей!

У очага, картинно скрестив на груди руки, высился стройный блондин в синем пиджаке и канареечных брюках — гражданской форме клуба. За его спиной теснились такие же сине-канареечные, только старше, толще и плешивее.

Публика встала. Публика разразилась какофонией звуков, которой был придан ритм с помощью рояля, банджо, сакса и ударных:

— «Бран-цоза!» «Бран-цоза!» Целуй меня, стервоза! Люби меня послаще! И-на-че не за-бью! Ю-у-у-у!

Музыкально-поэтический шедевр увенчался подобием волчьего воя.

— Что это? — Йошикава испуганно прикрыл ладошками уши. — Зачем это?

— Так «Бранцозу» же зовут «синими волками». Вы что, никогда не слышали, какой вой на стадионе стоит?

— Извините за любопытство, но вот те не столь молодые господа, прибывшие вместе с героем и одетые подобно ему, кто они?

— Члены клуба, конечно. Любители футбола. Они платят взносы и за это могут бывать в клубе, на тренировках, и на трибунах у них постоянные места.

— Как это удобно и интересно, я о такой системе ничего не знал.

Слишком много и слишком мало знал этот непонятный тип.

— А вы, — он спросил, — тоже являетесь поклонником какой-либо команды?

— «Юнтарча», — гордо ответил я, хотя гордиться было особенно нечем: «юнты» плелись в хвосте розыгрыша.

— И у вас тоже имеется красивый костюм?

— Не имеется.

— Нельзя ли спросить почему?

— Не по карману.

— Любопытно. Могу ли я понять вас так, что сумма взноса доступна далеко не всем?

— Еще как далеко.

— Но из этого можно сделать вывод с том, что членство в клубе влечет за собой определенную выгоду. Кроме, разумеется, бескорыстного, чисто спортивного энтузиазма.

— Можно.

Я знал, что у стоек уютных клубных баров, куда РБКА нос не совала, за рюмками контрабандного горячительного завязывались полезные знакомства, обмывались сделки. Я сказал адвокату об этом и о том еще, что сегодня у нас без цветного пиджачки даже кандидатуру в парламент выставить трудно — «попробуйте-ка сами».

— О, я понимаю. Как много поучительного принес мне наш разговор, как много интересного и важного!

Он снова снял очки и снова изменился — стал прост, напряжен и словно беззащитен.

— Вы можете мне помочь. Но это опасно.

— Я не боюсь, — сказал я, потому что не хотел бояться.

— Сегодня девятое июля. Завтра прибывает корабль с Земли. Два раза в год, вы, очевидно, знаете: десятого июля и десятого декабря. Вы репортер, вам легче попасть на космодром. Требуется установить, какой груз будет доставлен для фирмы «Кикс».

— Производство и продажа футбольных сувениров?

— Совершенно верно — маленькая невинная фирма. Меня интересует даже не содержимое — вряд ли вам удастся с ним познакомиться, — а характер груза, его внешний вид, величина и упаковка.

— Что ж, — сказал я, — надо будет постараться.

— Надо.

14

Лиловый неподвижный браслетик бортовых огней обозначал вдалеке корпус корабля. Красные, зеленые и белые движущиеся огоньки — краны. Мне не приходилось прежде здесь бывать, и я не ждал, что космодром — просто огромное поле, на краю которого дощатый барак. Со стороны поля к нему один за другим подкатывали тягачи с платформами, на которых громоздились контейнеры. Получатели ждали у деревянного барьера, делившего барак пополам, — кожаные куртки, широкие шляпы, суровые физиономии, набыченные в ожидании: таможня и РБКА работали, видно, дотошно. В толпе никому ни до кого дела не было — до меня тоже. Время от времени слышалось: «Кабинет электроники — принимайте... Фирма «Жако» — принимайте... (Вздохи облегчения.) Фирма «Унта» — пройдите к начальнику таможни». (Ругань сквозь зубы.)

Наконец из-за барьера прозвучало:

— Фирма «Кикс» — принимайте.

Груза было много, главную его часть составляли большие продолговатые ящики, изрядно тяжелые, — рабочие фирмы выносили каждый втроем.

Я выскользнул на улицу. Ящики аккуратно укладывали в фургон электрокара. Сейчас он отъедет, и моя миссия будет выполнена. Как, чем помог я Йошикаве и помог ли — неизвестно.

Внезапно возле машины поднялся шум.

— Жабы! — орал мужской голос тем криком, с каким налегают на скандал. — Жабы проклятые, вонючие!

Крикуна пытались унять те, кто пониже, — он был саженного роста, и они, тесня его скопом, приглушенно гомонили:

— Арчи, уймись, имей совесть!

— Совесть? А у вас совесть есть контракт нарушать, жабы вы личинки? А за нос три года водить — что тарачишься, что, что? Я вырву жабы твои глаза, крыса!

Скандалисту уже крутили руки, а он отбивался, колотил ножищами в один из ящиков, приготовленных к погрузке, вопил совсем несообразное:

— Эй ты, живой товар, проснись, малыш! Тебя надули, дурья башка!

Его отшвырнули, ящик торопливо сунули в кузов, машина тронулась, а он цеплялся за борт, хрипел:

— Подохнете здесь, подохнете, слышите, парни?

Тут от стены барака отделились двое рослых охранников, до меня донесся смачный звук — этот в челюсть, а поглуше, должно быть, в солнечное сплетение. Симпсон, ваш выход. Одному я угодил в ухо, другому попутно сделал подсечку, а тот малый, не успев разогнуться, добавил головой, и мы побежали.

Он тащил меня за собой к эстакаде, смелой аркой соединявшей космодром с городом. Здесь, у обочины, стоял маленький двухместный «Жижи» последней модели, похожий на чечевичу. «Элегантность и скорость» — из рекламной заметки в «Старлетт», которая полностью соответствовала действительности. — мы взяли сто с места и единым духом проскочили всю гнутую ленту бетона, затормозив у первых домов спящего города.

Мой спутник снял руки с руля, потрогал челюсть, охнул. Достал из заднего кармана плоскую флягу, отвинтил крышку, побулькал, мыча от боли, во рту, проглотил. Протянул флягу мне. Это была крепкая штука.

— Ты, парень, гвоздь, — сказал он слегка невнятно.

— Ты тоже.

Небесный пепел помаленьку светлел, и я разглядел славную костистую морду, литую, как у коня, и с гривкой до бровей.

— Что глазеешь, узнал?

— Вроде того, — сказал я осторожно.

— Вроде, вроде... Арчи Хэйла не помнишь?.. Я центра играл в «Валендии» — юный герой, пропади они пропадом, жабы.

— Кто жабы-то?

Он снова хлебнул из фляжки.

— Все вы на вашей вшивой планетке. Я с Земли, понимаешь, оттуда. Разве ты можешь знать, что такое Земля, какое бы-

вает синее море и небо — не серое, как у вас, а синее, а у вас деревья синие, как с перепоя. Что тарачишься? Я этого Хэйла в глаза не видел, моего здешнего папулю. Тридцатку в месяце ему в зубы, чтобы помалкивал и гордился дорогим сынком... Я Юханссон — на, выпей за мою мать, если жива еще там, в Стокгольме, и помниг своего идиота. Я живой товар — ты понял? Меня в таком же ящике привезли: шприц в задницу — и спи, пока не разбудят. Мы юные герои из ящиков, богатые парни, вам наши деньги не снились. Тысячонок триста у меня, два таких кара. Слушай, объясни мне, почему вы сами не хотите в футбол играть? Я ж здесь одиннадцатый год, я каждую собаку в бутсах знаю, и ни одной местной жабы, а?

— Я играл, когда учился, — сказал я.

— Ха! Кому ты нужен? Я сейчас знаешь кто? Тренер юношеских групп «Валендии». Я тренер, а групп нет. Есть тренировочные парни, триста профи с Земли, и точка. А ты не знаешь? У нас и детские группы имеются, как же — тридцать штук, сто тренеров, а детишки — тю-тю, на бумажке. Нас же надо кормить, поить. А мы воем, на Землю хотим.

— Не пускают?

— Обещают. У, крысы! «Последнее поручение, Арчи, и следующая ракета — твоя». Уже шесть так ушло. Ловушка, понял? Они всем врут.

— А какие поручения? — спросил я.

— Ты сыщик, что ли?

— Нет.

— И нечего нос совать. В футбол он играл... Вы тут хитрые все. Вам нашей жизни не надо — за решеткой. На Земле-то они тебе распишут: «Богатый будешь, жить будешь на клубной вилле... Бассейн, сауна, личный портной, личный парикмахер... Раз в неделю прямо в койку цыпочку подадим — ноги из подмышек». Все так и есть, да утопиться хочется в этом бассейне. Двадцать четыре часа в сутки под надзором. А почему, не знаешь? Чтобы языком не трепать о наших делах. Ты футбол любишь?

— Люблю.

— А я ненавижу. Ваш. Здешний футбол. Я был на Земле не последний. Ну, любитель, конечно, у станка стоял. Но там я играл как хотел — я вышел, я бог. Когда меня сюда привезли, я «Юнтарче» такую банку в первом же матче плюнул — метров с тридцати... Публика на трибунах скамейки от восторга грызла... У меня ноги подкосились, я на колени встал, я молился... Стоппер «Юнтарчи» мне аплодировал... А из наших никто даже не подошел. «Ладно, — думаю, — завидуют». Если бы так! Минут через десять выпрыгиваю на угловой, а наш капитан, старая шкура, меня локтем под дых. Упал, ничего не помню — где, что... Очнулся, он же меня с поля тащит. «За что?» — говорю. «После, сопляк, поймешь». Понял, спасибо. Тренер сказал: д'Анжело, знаешь такого? Он и есть, щепя позолоченная... «Ты не виноват, капитан должен был тебя предупредить». Ему вмазали штраф — триста гульдов, что не предупредил, полсотни — что меня выбил.

— А о чем он должен был тебя предупредить?

— Ты и вправду не сыщик, седая башка? Хотя что мне терять? Я бы их всех зубами загрыз. Эх ты, любитель футбола! У вас же здесь ни одного чистого матча не бывает. Все подстроено. В каждой команде по трое парней «джокеры». Им говорят, какой должен быть счет, и они его обеспечивают. А остальные под них подстраиваются. Я сам потом «джокером» стал, когда контракт продлил, идиотина.

— Арчи, — сказал я, — я не сыщик, но ты все-таки знай, кто я такой.

И показал карточку.

— Ах ты нос любопытный! — Он покрутил головой. — Да ладно. Я кому верю, тому верю. Хлебнем?

— Арчи, что ты знаешь об этом последнем матче «Валендия» — «Скорунда»?

— Все как есть.

— А рассказать можешь?

— Тебе могу.

— А если не только мне? При всех, на суде?

Он смял пятерней гривку на лбу:

— Ты во что ж меня тянешь, белобрысый?

— Нет так нет, Арчи. Я буду молчать.

— Ты один? Или есть за тобой какие-нибудь ребяташки?.. Хотя нет, этого ты мне не говори.

Он положил голову на руль.

— Чему нас учат наши хорошие мамы?

Помолчал.

— А зима на Земле снежная. Жалко мне тебя, ты и снега отродясь не видывал. Давай, что ли, излагай, как и что.

..Потом я позвонил Йошикаве и назначил срочную встречу.

15

«Очередное заседание началось с сообщения судебного пристава о том, что свидетель Ульрих Земан, допрос которого не был закончен в прошлую пятницу, бесследно исчез в субботу и попытки обнаружить его пока безуспешны».

Далее вычеркнуто: «Виски Йошикавы окропил пот, его сухая маска обмякла, и словно ожили темные стекла очков, став глазами, под взглядом которых судья Адамсон сделалась бела. Она тронула свой колокольчик, хотя зал был нем. В нем чеканно отдались шаги свидетеля д'Анжело».

«Франческо д'Анжело, старший тренер команды «Валендия» (64 года, вдов, бездетен, 23 года назад переселился с Земли, где, закончив футбольную карьеру, также работал тренером)».

Адвокат:

— Свидетель д'Анжело, какие указания вы дали руководимой вами команде перед матчем со «Скорундой»?

— Чисто тактические.

— Прошу ответить подробнее.

— Не считаю нужным.

— Из показаний свидетеля Земана явствует, что вами был

отдан приказ о проигрыше со счетом 4:5. Вы подтверждаете это?

— Вранье.

— Вам известен человек по имени Арчибальд Хэйл?

— Это мой бывший игрок. Теперь он работает с молодежными группами.

— Вы встречались с ним перед матчем?

— У меня нет причин для встреч с этим субъектом.

— Миледи, прошу пригласить свидетеля Хэйла.

«Арчибальд Хэйл (35 лет, холост)».

Далее вычеркнуто: «Он был хорош — бывший «юный герой», решительный сверхмужчина с рекламного плаката».

— Свидетель Хэйл, что вам известно по данному делу?

— Накануне матча я пришел к д'Анжело. Я всегда к нему прихожу накануне. В двадцать два тридцать. Потому что в двадцать два сорок пять он уже в постельке. Король режима — наш Франко. Я сказал: «Завтра надо сделать 4:5». Он ни слова, только допил свою простоквашу. Он меня теперь любит, как собака палку, но он преданный лакей, на него можно положиться.

Д'Анжело (с места):

— Это вранье! Ни слова правды!

— Каркай теперь, старая ворона!

В зале нарастает шум, слышатся возмущенные выкрики и свистки. Судья потрясает колокольчиком.

Далее вычеркнуто: «На скамье подсудимых хохочет обвиняемый Таубе, барабана по барьеру кулачищами. Прокурор Гирнус вонзает в судью ледяной взгляд».

Адвокат:

— Свидетель, вы сказали: «Всегда прихожу накануне». Что значит «всегда»?

Крик с галерки:

— Арчи, прикуси язык!

— Эй, ты, — кричит в ответ свидетель, — я тебя вижу, а ты меня знаешь, крысеныш! Всегда — это всегда, я у них три года на связи!

В оглушительном шуме тонет звон судейского колокольца.

— Что такое «на связи»? — кричит адвокат.

— Я агент Синдиката!

— Что такое Синдикат?

— Лига! Тототшка! «Кикс!» Одна шайка! Эй, змеи, собаки, жабий народец! Верьте нам, целуйте нам пятки! Заполняйте ваши вонючие карточки! Кукиш вам, дырка от бублика! Все продано на сто лет вперед!

— Кто вас послал к д'Анжело?

Хэйл не успевает ответить на этот вопрос. Судебный пристав рысцой выбегает за дверь, и через минуту в зал врывается охрана. Стрелки становятся плечом к плечу спинами к судейскому столу и начинают медленно теснить из зала толпу.

— Всех! — кричит судья Адамсон, взмахивая крыльями мантии. — Всех вон! Прессу тоже вон! Процесс теперь будет закрытым!

Я писал всю ночь. Я переписывал трижды. В первом варианте документ составлял девятнадцать страниц, в третьем — девять. Это был не репортаж, а материалы к репортажу. Факты и краткие выводы. Коррупция в футболе и очевидное мошенничество с тотализатором. Контрабандный ввоз «живого товара» и растрата сумм региональных бюджетов, отведенных на работу с детскими и юношескими командами — несуществующими. Система изоляции наемных земных футболистов, служащая средством прикрытия грязных махинаций. Явная причастность ко всему этому лиц из высоких сфер, на что указывает акт объявления процесса закрытым не только для публики, но и для прессы и, следовательно, для всей общественности планеты, а также подозрительное самоубийство Багги, если это вообще самоубийство.

Я предлагал продолжить расследование, одновременно начав публикацию материалов.

Я не упомянул о моем интересе к «Клятве», о встрече с Теренсом Тейлором (он же Смит), о контактах с Йошикавой: ситуация представлялась мне серьезной и опасной, и я не хотел навлекать опасность на этих людей.

Прочтя и проведя в молчании около трех минут, Хорейшио Джонс встал, прошагал мимо меня журавлиными ногами и пригласил в кабинет Джима Каминского.

— Я прошу вас, Джеймс, самым тщательным образом ознакомиться с этим.. несколько неожиданным документом.

Джим читал и восхищался. Пять раз он поцеловал кончики пальцев, однажды произнес: «Восхитительно», однажды: «Чертовская логика» и трижды: «Ух, как он растет!»

— Да, — веско сказал он, закончив. — Теперь мне все ясно. Мы старые, мы исписались, вот кто нас переплюнет, Хорейшио. Бобби, я поздравляю вас, мой мальчик.

— Джеймс, вам что-нибудь известно об этом? — строго спросил Хорейшио.

— Ни-че-го. Мне, старому волку, с моим нюхом! То есть, разумеется, в матчах иногда бывают липовые счета, разумеется, привозят с Земли игроков — пару, тройку в команду, я и назвать вам их могу, но система, Хорейшио, система, которую усматривает наш молодой друг, — эт-то находка, эт-то открытие, эт-то сенсация!

— Джеймс, будьте серьезны. Я жду ваших предложений.

— Хорейшио, вы меня знаете, я неизменно серьезен, я в постели серьезнее, чем президент, когда он приносит присягу. В чем ваши сомнения? Публиковать немедленно! Наши тиражи подскочат до космической цифры, и если потом нас с вами разнесет на части толпа обезумевших опровергателей, я умру счастливым.

Все было ясно: Джим разносил на части мое предложение.

Каминский удостоил меня величайшей чести — пригласил посетить вместе с ним клуб футбольных репортеров «Работяга хавбек», куда пускали лишь избранных. Там и столиков было всего семь — по одному для каждой из газет и один для телевидения. Каждый столик таился в алькове, на нем стояла лампа в форме мяча, над ним — портреты ведущих комментаторов и известных игроков с автографами.

Джим повел меня по залу, велеречиво знакомя с коллегами:

— Роберт Симпсон, восходящая звезда политического репортажа... Джулиус Кэдмен, проблемист, бриллиантовый мозг!

Розовый лысеющий толстячок сделался еще розовее.

— Роберт Симпсон, тончайший стилист нашей журналистики... Жан Жиро, безжалостный аналитик и нежнейшая душа!

Аналитик кивнул пожилым сизым носом и брюзгливо спросил, как это у Джима в последней статье получилось, что «Бранцоза», видите ли, под влиянием теоретических... хм, хм... концепций Мааса исповедует систему сетевых передач в центре с клиновидными фланговыми перемещениями. «Он же болван, ваш Маас, у него солома в башке, ему надо на Пелисье играть, Пелисье — таран». Джим закричал, что не слышал этого, не слышал... На крик сбежались от своих столиков все мыслители, теоретики, аналитики, исследователи, философы, одописцы его величества футбола — они вздымали длани, они срывали с себя очки, ерошили прически, выхватывали блокноты и стило и чертили замысловатые схемы.

Я смотрел на них, пытаюсь понять, дураки они, жулики или просто взрослые дети.

Когда все отшумело и разбрелось по альковым и зацокали машинки, материализуя жидкую лаву идей, Джим устало сказал мне:

— Ах, как примитивны эти люди, мой друг! Нет, нет, футбольная журналистика ждет таких, как вы.

— Джим, скажите мне правду.

— Какой правды вы хотите — знаю я или не знаю? Но ведь только такой тугица, как наш шеф — благороднейший, честнейший, однако, увы, тупица! — может задавать Каминскому подобные вопросы. Но сопоставьте факты. Когда создана наша «Старлетт»? Вы не помните, вы молоды, это прекрасно, а я скажу вам. Двадцать два года назад. А «Хот ньюс»? Двадцать два года назад. «Эпо»? Двадцать два года назад. Когда образовалась телекомпания? Тогда же. Все средства массовой информации возникли практически одновременно. Ну а когда была создана наша славная футбольная лига, вы, надеюсь, помните? Совершенно верно — двадцать три года назад. Вы понимаете, что это означает? Мы живем благодаря футболу. Он кормит вас, меня, этих крикунов...

Он замолчал, словно собираясь с мыслями. Это само по себе было невероятно — молчащий Каминский...

— Мне поручено с вами говорить. Мне поручено вас предупредить о том, чтобы вы изменили свое поведение.

Я не спросил, кем поручено. Я понял, что он не ответит.

— Что значит, — спросил я, — изменить поведение?

— Не трогайте этих дел, мальчик. Не прикасайтесь. Я ведь вас действительно люблю. Не трогайте, и с вами ничего не случится. Поверьте, мне было трудно добиться гарантий вашей безопасности.

Когда мы вышли из клуба, серая вкрадчивая ночь обволакивала призмы и кубы зданий, округляя их грани, делая улицу похожей на лес.

— Вам ведь направо? — спросил Джим. — Жаль, что я не могу вас проводить. Сесиль не любит, когда я задерживаюсь

18

Я свернул за угол, и тотчас навстречу — наискосок, благо вокруг никого — ринулся знакомый коричневый «Жижи», и ручища Хэйла поймала меня за рукав.

— Прыгай сюда, сиди и молчи.

Кар петлял из улицы в улицу, Арчи только по сторонам поглядывал, рывками водя длинным подбородком. То ли он был загонщиком, то ли его загоняли.

— Ты меня лихо кинул на гвозди, седой. Но все-таки ты меня разок выручил. И ты не жаба. Слушай, как подъедем к эстакаде, ныряй к черту через борт и ползи в кусты. Не гляди никуда, ползи, не дыши, ползи. Уцелеешь — твое счастье.

— Арчи, я ведь не жаба — пусть как с тобой, так и со мной.

— Я жаба. Ты спрашивал, какие поручения. Такие. В сельвочку тебя, в ямку, и тю-тю. Я возил таких птенчиков. Мне ж опять обещали: в последний раз — и домой. Только не сошлось у них. Не получилось. Я подумал: а почему именно я тебя должен, как они говорят, обезвредить? Подумай и ты. Хотя некогда думать. Бывший футболист Хэйл, попавшийся на удочку писаки Симпсона, мстит ему, но сам падает под пулями доблестных бойцов гражданской обороны. Годится в газету? Оглянись.

Я оглянулся. Далеко позади двигался какой-то кар.

— Что будешь делать, Арчи?

— Не твоя забота. Глотни. И я глотну. Из одной фляги мы пили, малыш. Прыгай!

Он вытолкнул меня через борт, я упал, встал, побежал вниз, снова упал и пополз, наклоняя голову и прикрывая глаза, чтобы их не выхлестало упругими колючими побегими. Гул его машины утих, вскоре возник другой. Я перевернулся на спину.

Вкось от меня круто чернела спина эстакады. Хвостовые огни машины преследователей еще только ползли пологим подъемом, приближаясь к верхней точке, как вдруг там, наверху, послышался удар, треск, что-то плоское, овально-вытянутое взлетело в воздух, закувыркалось, рухнуло, и длинная голубая искра ушла в небо. Взрыв был отрывист, категоричен. «Жижи» гибнет сразу, превращаясь в слиток пластмассы, и водителям инвалидность не грозит. Это одно из достоинств новой марки электромашины, о котором не пишут в рекламных проспектах.

Душа Юханссона, если она есть, отлетела в космический рейс без ракеты.

«Н. Элоиза, 18 июля 52 г.

Памятная записка

Я, адвокат Мик Йошикава, составил настоящий документ на тот случай, если обстоятельства не позволят мне далее вести сознательную деятельность. Адресуя ее корреспонденту газеты «Старлетт» Роберту Симпсону, я почтительнейше прошу его воспользоваться данным документом в известных ему целях. Сожалея об отсутствии у меня литературного дарования, в высочайшей мере свойственного моему высокочтимому другу, я попытаюсь в меру моих слабых возможностей описать произошедшее со мной со всей доскональностью, заботясь при этом не о красоте слога, но о точности изложения.

16 июля после того, как судья Адамсон приняла прискорбное и, на мой взгляд, незаконное решение придать процессу закрытый характер, я имел свидание с моим подзащитным Толлером Таубе, каковое опишу.

— Уважаемый адвокат, — сказал Таубе, смотря на меня веселым взглядом, присущим этому сильному и не лишенному привлекательности, хотя глубоко порочному, человеку, — хочу быть откровенным. Я водил вас за нос. Сейчас у меня нет связей, меня караулят так, что не пикнешь, а дальше будет хуже, я уж знаю. Одна надежда на вас, станем же играть в открытую. Я действительно купил матч, но мое объяснение — собачья чушь. Футболом и тотализатором правит подпольная организация под названием «Синдикат», во главе ее шесть синдиков, я — шестой, младший. Все предсказанные результаты пропускаются через ЭВМ, и машина выдает нам вариант непредсказанный. Основываясь на нем, мы велим командам сыграть так, как нам надо. Наш результат мы вписываем в две три карточки на подставных лиц и снимаем пенки. Заварушка вышла из-за меня. Синдикату было нужно, чтобы «Скорунда» обштопала «Валендию» — 5:4. Но мой человек, имеющий доступ к ЭВМ, прокрутил прогноз с учетом и этого результата, и вышло, что при обратном исходе — 4:5 — можно сорвать весь банк. Я не пошел ни к тренеру, ни к джокерам — дал арбитру в лапу, и точка. У меня нет времени оправдываться, да я и не считаю это нужным. Я люблю жизнь, я игрок. Рискнул, попался, это ясно — судья и прокурор на жалованье у Синдиката, сколько бы они мне ни впаяли, со мной будет то же, что с бедолагой Бронекком... Семь гульдов за маис, разрази меня гром, надо было десять дать, как пенсию вдове... и с недотепой джокером. Проигравший платит, это закон, но пуля в лоб — дороговато, я еще поторгуюсь. Короче, предлагаю вам десять тысяч за то, что вы пойдете к одному человеку и скажете, что я попрошу. Я давно почуял, что у вас своя игра, вы зачем-то хотите взорвать нашу лавочку, но, ей-богу, не стоит. Вы же не верите в потустороннюю жизнь, она одна, а мы — пожилые циники, мы и свой геморрой любим, потому что он свой, а не дядин. Можете мне не отвечать, только слушайте — время свидания кончается. Вы пойдете на стадион «Валендия»,

там есть сувенирный киоск «Кикса». Киоскеру скажете, что шестой согласен отдать всю сумму. Ответ сообщите мне. Топайте и знайте — я силен, пока жив, но я и мертвый сильнее, чем вы живой.

Вечером того же дня я встретился с указанным лицом. Его внешность необычна и заслуживает описания. Он высок и сутул, потрепанная одежда выглядит так, точно он спит не раздеваясь, маленькая физиономия, похожая на печеное яблоко, не указывает ни на возраст, ни даже на пол. Крупные, оттянутые книзу глаза исполнены не человеческой, а, как писали в старинных книгах, сатанинской мудрости, для которой не существует ни нашей морали, ни нашего здравого смысла.

— Мой дорогой господин может называть меня Том, — произнес он тонким, отчетливым и несколько гнусавым голосом. — Мое настоящее имя обыкновенно. Я Том, а вы господин адвокат Йошикава, блистательно ведущий это забавное судебное дело. Мне кажется лишь, что судья поступила необдуманно, удалив из зала вместе с публикой представителей прессы. Они никому не опасны. Им только надо платить подороже.

Назвавшийся Томом живет в хибарке, примыкающей сзади к киоску, — она так мала, что ее нелегко заметить. Внутри помещаются ржавая железная кровать, прикрытая жалким подобием одеяла, и табурет с застарелым круглым следом от сковородки.

Хозяин сел на кровать, табурет был предложен мне, стола не было.

Передав слова моего подзащитного, я вежливо заметил, что должен получить уважаемый ответ.

— Мой господин ничего не должен, — столь же вежливо ответил назвавшийся Томом.

Мы кланялись и улыбались друг другу. У него были черные зубы. Я забыл отметить, что он беспрестанно курил дорогие длинные сигареты — допаливал до губ и зажигал от окурка другую. Пестрые наклейки на коробках этих контрабандных земных сигарет, стоявших под кроватью, были единственным ярким пятном среди его темной лачуги. Он сидел на кровати, поджав ноги, руки его казались бескостными.

— Ваш подзащитный вынужден был многое вам открыть, — не столь предположительно, сколь уверенно заметил назвавшийся Томом. — А открыв, пригрозить, но напрасно. Он мало знает, я намерен сообщить вам больше. Ваше лицо и манеры указывают мне на то, что вы умны, неординарны, и деньги, предложенные вам за услугу, не имеют для вас такого решающего значения, как для несчастного Таубе.

Его взгляд и голос завораживали меня опасной ворожкой удава.

— Синдикат отнюдь не порождение тотализатора. Он сам породил тотализатор, как и футбольную лигу. Создатель любопытнейшей теории переустройства общества когда-то назвал религию опиумом народа. Вот мы и помогли народу создать здесь свою религию — футбол.

— Вы извините меня за вопрос, кто назван вами «мы»?

— Я, — просто сказал мой собеседник.

— Но для чего?

— Для чего нужен опиум? Чтобы реальную действительность заменить иллюзорной — для убогих духом, кому реальность тягостна. И этот же опиум дает возможность тем, чей дух силен, без помех формировать реальность так, как они считают нужным. Нам остался последний штрих, и мой проницательный господин понимает, что он будет уже чисто формальным.

— Ваша идея по-своему гениальна, — заметил я, поразмыслив. — Футболисты, живые воплощения опиума, будучи всецело зависимы от работодателей и чужды населению, могут представлять собой одновременно идеальное наемное войско.

Назвавшийся Томом удовлетворенно кивнул:

— Я угадал в моем господине неординарный ум. Но он еще не оценил всех преимуществ идеи. Вы не задумывались над механизмом нарушения принципа коллективной собственности, декларированного в красноречивом документе, который здесь называют краеугольным камнем цивилизации? За кулисами футбольных клубов Синдикат постепенно формировал правящую элиту, и лица, входящие в нее, вкладывали деньги, которые мы им давали и даем, в создание частных фирм, приобретение и округление сельскохозяйственных плантаций. Нынешняя власть у нас на содержании — мы платим всем, кто нам нужен, строго ограничив круг клиентуры, дабы не допустить увеличения накладных расходов.

— Вы, должно быть, обладаете колоссальными средствами?

— Но достойный господин ведь не думает, что тотализатор для нас — средство личного обогащения? Несчастный Таубе и в миг наказания сочтет себя только вором, обокравшим воров, но он покусился на иное, чего ему не дано знать.

— Могу ли я, — сказал я осторожно, — спросить, сколько людей на нашей планете посвящено во всю истину?

— Двое, — ответил Том. И, дав оценить значение сказанного, продолжил: — Двадцать два «колумба» переоценили человеческую природу. Человек в большинстве своем глуп, зол, жаден и эгоистичен, он самое скверное из животных. Он может быть также умен и дальновиден, но не наделен мышцами быка и не приспособлен к тем испытаниям, которые ему предназначены во имя ложной идеи равенства. Но он выжил. Все претерпел и все познал. Он понял, что главную ошибку «колумбы» совершили, когда вышвырнули в людскую помойку самое ценное, чем обладали, — власть. Взять ее в свои руки — его историческое предназначение.

Он снова помолчал, любуясь на то, как огонь превращается в пепел.

— Мне известно, кто вы. Я не пытаюсь вас купить — это невозможно. Не хочу убить — одиночество порой тягостно. Такие, как мы, должны физиологически брезговать принципом равенства — толпа дурно пахнет.

Внезапно я понял сокровенный смысл происходящего. Действительно, одинокий среди окружающей его нечисти, он наслаждался передо мной теоретическим разбором замысленной им шахматной партии, а я был достойным слушателем, хотя, с его точки зрения, безопасным противником. Но я понял и другое: покупая по дешезке чужую память, чтобы ее уничтожить, он продал дьяволу свою, и это бездарная сделка —

долгие годы в этой камерке он играет сам с собой так, словно до него никто не играл в такие зловещие шахматы. Помня дебюты истории, он забыл ее неизбежные эндшпили. Я понял все это, и он перестал быть мне страшен.

— Вы не допускаете иного варианта в моей линии поведения? — спросил я.

— Мой дорогой господин лишь ускорил события, исход которых предопределен. Предопределена была и наша встреча, поэтому я не назначаю новой. Вы можете прийти после. Жаль, если я вынужден буду избавить себя от приятной возможности вновь побеседовать с вами. Прощайте, уважаемый адвокат. Передайте своему подзащитному, что мы согласны на его предложение. Отсутствие страха прекрасно, даже если ненадолго.

Я ушел, пропахший его сигаретами, а он остался в их дыму, равно как в чаду своих человеконенавистнических грез. Я мог его убить, но это не входит в мои полномочия».

20

Таня вручила мне почту — обильную, как никогда. Она обязана была вскрывать и регистрировать те письма, на которых не значилось «лично», она все прочла, и ее милые руки дрожали.

Письма были корректные: «Извещаем об адресе ближайшего гробовщика»; дружески-шутливые: «Безногая мама стосковалась по тебе, сынок»; деловые: «Смерть предателю».

— Вам пакет еще принесли. И велели отдать по секрету.

Пакет был в прозрачном пластиковом футляре с надписью: «Уважаемому журналисту Р. Симпсону — покорнейшая просьба вручить лично».

— Желтый такой человек? — спросил я. — Маленький, в темных очках?

— Нет, Бобби, их трое было. Два молодых парня и огромный негр, старый-престарый, он и дал мне это.

— Таня, — крикнул я, — ласточка, я идиот!

— Ты замечательный, — прочувствованно произнес раскосый керувим. — Дай мне руку. Потрогай мозоли. От чего, знаешь? Нет, чудачок, от клавишей эти — на пальцах. А эти, эти, эти — от ручки стиральной машины... от мясорубки... от лопаты, Бобби, не смейся, я умею и землю копать, а вы все — «птичка», «ласточка»...

— Меня хоронить рано, — сказал я.

— Не смей шутить, сейчас же возьми и не смей! Я все умею — шить, стирать, варить суп из крапивы... стричь... пилить дрова... Я девушка самостоятельная, я умею даже стрелять, у меня есть револьвер. Ты не представляешь, как я хочу тебе помочь.

— Помоги. Ты читала такую книгу — «Дон Кихот Ламанчский»?

— Даже не слышала.

— Достань мне ее. Где хочешь. Укради. Если надо, пусти в ход свой револьвер, я разрешаю.

— Смеешься? — грустно предположила она.

— Мне не до смеха, — ответил я, потому что мне было, как никогда, не до смеха. В пакете лежало несколько машинописных страниц, и к ним был приколот крохотный листок бумаги, одна каллиграфическая строчка: «Очень прошу ждать, где прежде, от 22.00 до 22.15 и извинить, если не приду. Йошикава».

21

Четверть часа у меня сжималось сердце, и когда Йошикава вошел своей деликатной походкой, точно и звуком шагов не желая никого беспокоить, я ощутил, как он мне стал дорог за эти дни.

«Тихая сельва» по обыкновению гудела и бренчала под стоны горластых кожаных ребят:

Грозная сельва! Черные кроны!
Яростный рев саблезубого льва!
Шеф приказал экономить патроны,
Значит, до завтра ты будешь жива!

...Интересно, доживем мы с ним до завтра?

— Почтительнейше прошу извинить мое опоздание. — Адвокат поклонился и чинно сел, поставив на коленки в подпернутых брючках бывалый портфель.

— К чертям ваши церемонии, я прочел «Записку» — этот страшенький и то знает, кто вы, а я не знаю!

— Прошу извинить также мое неправильное воспитание. Нам предстоит важный разговор при наличии краткого времени, но прежде я прошу вас затруднить себя чтением еще вот этого.

Он достал из портфеля и раскрыл какую-то книжку.

— Прошу вот отсюда.

«17 октября вечером 29 «колумбов» собрались на последнее совещание...»

— Вот те на! — сказал я. — Откуда же двадцать девять?

— Прошу читать.

«Утром им предстояло напасть на космодром «Эйч си». Но тут Дэвид Йошикава выступил с неожиданным заявлением. Он сказал, что он и шестеро его друзей пришли к выводу о неправильности задуманного: «Земные проблемы надо решать на Земле. Уход в иные галактики будет лишь бегством от них, но они могут возникнуть вновь на любой другой планете. Переустройство общества достигается внутри общества, и история Земли дает нам примеры и способы». Так произошел раскол».

— Далее вы можете не читать, но перелистните страницу, — сказал адвокат.

Я увидел фотографию. Просто и прямо смотря в аппарат, улыбаясь в надежде и неведении, стояла группа очень молодых мужчин и женщин. Красавец негр возвышался над ними, обнимая за плечи носатого, с властным лицом, и маленького скуластого.

— В центре — магистр Тейлор, вы его узнали? Слева от него — инженер Иоаннидис. Справа — мой покойный отец. Вот братья Баттоны, старший был талантливым художником...

Нежность звучала в голосе адвоката.

Потом он взял у меня книжку и спрятал в портфель.

— Что это было? — спросил я, стараясь побороть некоторое головокружение.

— Обыкновенный учебник истории. Для восьмого класса земных школ. У вас еще будет время его проштудировать, и вы узнаете, как были разрешены на Земле многие из тех проблем, над которыми бились «колумбы».

...«Тихая сельва» шумела вовсю, ртуть на шкале веселья перела вверх. Вокруг каменного очага в центре зала раскачивался плечо в плечо горластый хоровод. Там плясали акционеры «Жако» и «Унты» в желто-зеленых, бело-голубых и сине-канареечных клубных костюмах; плясал, подмигивая мне, двухметровый мясистый младенец из «Высшей костоправки» со своей милочкой Джейн, жидовой картотекой; дородные дамы — патронессы «Союза матерей в защиту детей природы» в боа, надерганных из хвостов защищаемой ими птички вау; розовый проблемист Кэдмен; сизоносый аналитик Жиро и врач-стоматолог Грумбах — его пальцы в перстнях теребили, как струны, подтяжки цветов футбольной команды «Бранцоза». Они резвились грубо и неотесанно, воображая себя детьми сельвы, которую они не нюхали, и головы мертвых детей сельвы — черного коня и красной пумы — скалились на них со стен.

— Пир во время чумы, — усмехнулся Йошикава.

— Живо, — сказал я, — живо, я почти догадался, но все-таки признавайтесь. Мил человек, мне надоело, что тут вокруг все выдают себя не за то, что они есть на самом деле.

— Я то, что я есть на самом деле. У меня действительно юридическое образование. И, кроме того, философское. Разрешите рекомендоваться — доктор социологии Йошикава. На планете Руссо я представляю... извините, не совсем официально... планету Земля.

— Связь есть? — быстро спросил я. — Вызывайте своих. Тут такое творится, а мы расслаживаемся.

— Не входит в мои полномочия. Там, откуда я родом, известно давно, что революцию не экспортируют. Мы, люди, верим в вас, людей.

— Слушайте, — закричал я, — да в кого тут верить — в этих? Их же всех Том купил, разве вы не видите? Купил и растлил!

— Извините, — спокойно сказал Йошикава, — это совсем не так. В его утопическом плане создания некоей, я бы сказал, футбольной псевдоцивилизации есть одно неучтенное звено. «Колумбы» были мечтатели, догматики, к сожалению, и очень плохие диалектики. В этом их трагедия. Но не все из посеянного ими заглушили сорняки. Я прошу вас прийти завтра в десять утра на площадь перед парламентом и описать увиденное вами так красноречиво, как это можете вы.

Зал грохотал, лупя кружки о кружки, в пивную пену которых плескали, уже не таясь, виски, джин и черт-те что. Патлатая певица хрипло выла с эстрады:

Страшная сельва! Красною пумой
Солнце по веткам лезет в зенит!

И ей подвывали не только сакс, банджо, рояль и ударные — все, сколько есть, фирмачи, зубодеры, тотошники, канцелярская нечисть:

Лучше не помнить! Лучше не думать!
Если разок, черт с тобой, изменить!

— Весьма неглупая песня, — сказал Йошикава.

— Эта чушь?

— Разумеется. Стоит хоть раз изменить, и тогда уж действительно лучше ни о чем не помнить и не думать. В этом наш с вами оппонент прав. Но в вашу — именно в вашу — задачу и входит возвращать людям их память.

— Скажите, доктор, а что, с вашей точки зрения, футбол действительно яд?

Он рассмеялся и словно помолодел:

— По-моему, футбол прекрасен. Учась в университете, я сам играл в футбол. Правого защитника.

— Вот те на. А я — в средней линии.

— Как знать, — сказал он, — может быть, мы с вами здесь сыграем еще в футбол. В командах, конечно, старшего возраста. А теперь нам пора. Если вы не увидите меня завтра на площади, мой дорогой друг, не огорчайтесь. Все будет как надо. Я в этом совершенно уверен.

— Мик, — спросил я, — вы не боитесь?

— Социолог тот же естествоиспытатель. Опасность порой входит в условия эксперимента.

Маленький доктор уходил, прямо держа свою узкую, слабую, свою неслгибаемую спину.

Я проводил его взглядом и пошел в редакцию.

21 июля 52 года Освоения на первой странице «Старлетт» был опубликован мой репортаж о невиданном по масштабам и накалу массовом митинге на площади перед парламентом.

Он явился началом тех событий, которые достаточно подробно описаны в нашем учебнике истории, и поэтому я умолкаю.

